

С каждым месяцем вокруг
все меньше оставалось такого,
что могло его удивить.

Торнтон Уайлдер
«День восьмой»

Глава первая

Когда человек начинает опасаться каких бы то ни было изменений в своей жизни, значит, он стареет. Дронго помнил об этом и не любил, когда Джил напоминала ему собственное изречение. Он теперь довольно часто прилетал в Рим, чтобы встретиться с Джил и мальчиком, который был так похож на него, но изменить что-либо в их отношениях уже не хотел.

В последние годы Дронго сильно изменился — похудел, стал более замкнут, молчалив, в глазах появилось выражение печальной мудрости, которая свойственна всем умным людям, с течением времени превращающимся в циников. Он стал замечать, что меньше смеется и больше усмехается. Это начинало его беспокоить.

В отношениях с Джил тоже не все было ладно. И дело даже не в том, что он постоянно

находился в разъездах, зарабатывая себе на жизнь аналитическими способностями, и даже не в его нежелании менять устоявшуюся жизнь. Некоторые привычки, приобретенные за долгие годы одиночества, уже становились частью его натуры. Несмотря на обиды Джил, он по-прежнему не мог спать в комнате, где находились посторонние. И хотя Джил трудно было назвать посторонней, он всегда уходил спать в другую комнату. Сказывались годы одиночества, за которые он привык к ощущению вибрирующей вокруг него тишины. Джил пыталась с этим бороться, но тщетно. Он не мог заснуть рядом с ней и реагировал на каждое ее движение или вздох. Очевидно, это была некая фобия, которую нужно и можно было преодолеть, но ни она, ни он не знали, как это сделать. И все попытки не обращать внимания на его состояние заканчивались лишь тем, что он поднимался по утрам, так по-настоящему и не заснув.

Он по-прежнему видел цветные сны и в своих ночных размышлениях был не так одинок. Джил ему безусловно нравилась, но в его невероятной, бурной жизни были и другие женщины. Иногда он видел Натали, чей образ

навсегда остался в его сердце. Она спасла ему жизнь, подставив себя под пули. Натали была первой и, кажется, единственной женщиной, которая могла стать его женой. Иногда он видел Марию и слышал ее голос. Его до сих пор мучила совесть за ее самоубийство, словно он был виноват в тех обстоятельствах, которые сложились столь роковым образом. Иногда ему снилась темнокожая Лона, и он, улыбаясь, вспоминал, как им было хорошо в те осенние дни начала девяностых, когда время казалось еще не таким потерянным. Иногда он видел женщину, с которой они были знакомы только пятнадцать или двадцать минут, оказавшись случайно вместе в кинотеатре заштатного американского городка, где между ними вспыхнула страсть, которая закончилась столь же внезапно, как и началась. Иногда ему снилась Лена Сулова, и он чувствовал себя виноватым, снова и снова пытаясь себе объяснить, почему он не звонит ей, когда возвращается в Москву. Иногда...

Дронго редко оставался один, когда засыпал. Во сне ему являлись давно умершие люди и случайные знакомые, женщины, которых он любил, и мужчины, которые его ненавиде-

ли. Может, поэтому он подсознательно так боялся присутствия Джил. Ему казалось, что он разговаривает во сне, хотя знал, что это невозможно. Иногда Дронго даже оставлял включенным магнитофон, чтобы услышать, что именно он мог сказать, но запись фиксировала лишь его дыхание, иногда — прерывистый храп или громкие вздохи. И ничего больше. Но в отличие от большинства людей Дронго помнил свои сны. Может быть, это волновало его гораздо больше, чем близость женщины, словно Джил только своим присутствием невольно отгоняла тени посещавших его людей.

Они провели месяц на Сардинии, и он твердо решил уехать в конце августа, как только они вернутся в Рим. Сказать об отъезде Джил было труднее всего. Ему самому не хотелось уезжать из этой удивительно прекрасной страны, от любимых людей, которых он не мог взять с собой ни при каких обстоятельствах, понимая, какой удобной мишенью для шантажа могли бы они стать. Однако разговор с Джил вопреки обыкновению получился достаточно спокойным. Она все хорошо понимала. И, уже осознав характер их взаимоотно-

ношений, заранее просчитывала возможность его внезапных исчезновений.

Джил осталась на Сардинии, а Дронго приехал в Рим, чтобы оттуда улететь в Москву. Билет он взял на девятнадцатое число и заказал себе номер в отеле «Кавалери Хилтон». Вечером Дронго поднялся на двенадцатый этаж в ресторан, откуда открывался изумительный вид на город. По вечерам здесь было принято появляться в вечерних костюмах, и он надел серый костюм, голубую сорочку, подобрал галстук. Дронго ужинал в одиночестве. Вдруг он услышал за спиной громкие голоса. Говорили по-русски.

— Я ей пыталась все объяснить, — взволнованно сказала женщина. — Я просила ее подождать и не торопить нас. Но в нее словно бес вселился. Чем богаче она становится, тем больше проявляется ее сволочный характер. Я говорила ей, что мы можем вернуть деньги только через четыре месяца, но она требует, чтобы мы уплатили весь долг до конца месяца. Представляешь, какая мерзавка?

— Мне она всегда не нравилась, — пробурчал мужчина. — И хотя она твоя сестра, я бы с удовольствием придушил эту гадину.

— Мало того что она дала нам в долг за такие проценты, она еще требует немедленно вернуть все деньги. Вы, говорит, уже дважды переносили срок возврата. Но ведь проценты мы платим аккуратно.

— Ты же знаешь, что я не смогу вернуть ей эти деньги, — недовольно сказал мужчина. — Тебе нужно было ее уговорить, объяснить, что мы вложили их в дело, а оно начнет приносить прибыль только через несколько месяцев. Я же не могу сейчас вытащить оттуда деньги, неужели нельзя понять такой элементарной вещи?

— Да она просто не хочет этого понимать, — зло сказала женщина. — Сегодня вечером они прилетают. Даже не знаю, как еще с ней говорить...

Дронго оглянулся. Женщине было лет сорок пять, может, чуть больше; плохо уложенные волосы, резкие черты лица, большой, вытянутый нос, несколько выпученные глаза и полное отсутствие талии. Сидевшему рядом с ней крупному лысому мужчине было за пятьдесят. Они ужинали вдвоем за столиком, который был накрыт на четверых.

— Как хочешь, так и говори. Торчинский тоже прилетит?

— Как обычно. Ей даже не стыдно, что она принимает у себя в доме этого певчишку. Все знают, что он в нее влюблен, и...

— Помолчи, — вдруг сказал мужчина. — Жураевы уже пришли.

За спиной у Дронго раздались восторженные голоса и звуки поцелуев. Очевидно, вновь пришедшие несколько опоздали, так как Жураев все время извинялся.

— Только постарайтесь не опаздывать завтра, Дима, — напомнил ему мужчина, сидевший за столом. — Иначе Марк и Катя на вас обидятся. Такой повод здесь собраться! Хорошо, что вы оказались в Риме.

— Мы приехали с Капри, — слышался томный женский голосок, очевидно, принадлежавший супруге Жураева. — Вы знаете, сейчас все отдыхают на Капри или в Сардинии. Это стало так модно. Лазурный Берег — уже вчерашний день. Там сейчас столько всякого сброда. Невозможно никуда выйти, повсюду наши бывшие соотечественники. Понаехали из разных республик, снимают себе номера-сюиты, отвратительно ведут себя...

Дронго вспомнил, как несколько лет назад наблюдал за тремя дамочками, лежавшими на пляже отеля «Негреско». Они обучали стоявшего рядом официанта настоящему русскому мату. Они загорали топлес, а он, стоя в униформе, вынужден был повторять за ними непристойные выражения, вызывая дружный хохот своих наглых клиенток.

— Поэтому мы с Леонидом никогда не ездим на такие курорты, — сказала женщина, сидевшая за столом. — Мы вообще любим отдыхать у его родителей в Анапе. Там чудесные места. И девочке нашей там хорошо, да и мы славно отдыхаем от дел. Сейчас приехали сюда только из-за Марка и Катеньки. У них такое событие — пять лет совместной супружеской жизни.

Дронго посмотрел на прибывших. Молодая женщина с нарисованными бровями все время посматривала на своего мужа, словно сверяя с ним свои высказывания. Мужчина был высокого роста, у него был большой выпуклый лоб, тонкие губы, прямой длинный нос. Очки придавали его лицу некий налет интеллигентности. Он был старше своей супруги лет на десять. И если ей на вид можно

было дать лет тридцать пять, то ему соответственно сорок пять.

— Ваша Екатерина просто умница, — восторженно сказала супруга Жураева. — Ты даже не знаешь, Клава, как мой муж относится к твоей сестре и ее супругу. Они ведь молодцы, такая прекрасная пара. На них смотреть просто удовольствие. Мы видели их фотографии в журнале. Они так хорошо смотрелись. А вы где остановились?

— Прямо тут, в «Хилтоне», — ответила Клавдия. — Зачем нам куда-то еще ехать? Все равно они сегодня вечером приедут сюда, и банкет будет завтра в отеле, прямо у бассейна.

Дронго подумал, что речь Клавдии сразу выдает в ней не слишком давнего завсегдатая отелей «Хилтон». Скорее, они приобщились к «благам цивилизации» только в последние годы.

— Кто-нибудь еще будет? — поинтересовалась Жураева.

— Нет, Леночка. Насколько я знаю, будет узкий круг. Приглашены только самые близкие, пара итальянцев, вы и мы. Больше никого не будет. Да, еще из Вены обещал приехать

сам Олег Торчинский, если, конечно, сможет вырваться.

— Что вы говорите? — явно обрадовалась супруга Жураева. — Значит, прилетит сам Торчинский. Я даже не думала, что смогу увидеть его живьем.

— Увидите, увидите, — засмеялась лающим смехом Клавдия. — Я его уже видела у Кати в прошлом году на именинах. Наверное, и сейчас приедет.

Дронго чуть поморщился. За его спиной сидели нувориши, которые, очевидно, сделали деньги в безумные девяностые. Торчинский был популярным оперным певцом и обычно гастролировал за рубежом. Очевидно, на завтра намечался банкет, на котором он должен был присутствовать.

— А где вы остановились? — спросила Клавдия. — Я думала, вам будет удобнее в «Хилтоне».

— Сюда далеко добираться, — снисходительно объяснила ее собеседница. — Мы живем в «Эксельсиоре» на Виа Венетто. Сюда трудно добираться, Клавочка, а наш отель находится в самом центре. Говорят, сам Челлини любил бывать в этом отеле.

— Не Челлини, а Феллини, — поправил жену Дмитрий Жураев.

— Конечно, Феллини, — нервно дернулась его супруга. — Я просто оговорилась. А ты сразу должен меня поправить. Я ведь знаю, что Феллини был всемирно известным режиссером. А Челлини, кажется, художник. Нам рассказывали про него во Флоренции.

Никто не стал уточнять, чем именно занимался Бенвенуто Челлини, и Дронго усмехнулся. Несоответствие между нажитыми капиталами и манерами этих нуворишей было столь разительным, что сразу бросалось в глаза. Их дети, отправленные в лучшие западные школы, уже пытались разобраться в итальянском искусстве и понять разницу между Феллини и Челлини. Правда, только те, кто хотел учиться. Тем, кто не хотел, не помогали даже лучшие западные университеты. Если человек хочет остаться кретином, то его переубедить почти невозможно. Некоторые умудрялись поменять несколько школ и вернуться домой, так и не получив достойного образования.

Дронго жестом подозвал официанта и попросил принести счет. Отметив свой номер,